

ОТЪ ТРОНДЪЕМА ДО ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ГАВАНИ

Становилось все холоднее. Справа у насъ вздымались высокія горы, часто совершенно покрытая снегомъ; все чаще и чаще среди зеленеющихъ обрывовъ берега белели пятна снега. Уже нельзя было разгуливать по палубе въ легкихъ летнихъ костюмахъ: все мы нарядились въ фуфайки и въ такомъ виде часами простаивали на мостике, любясь постоянно изменявшеюся панорамой открывавшихся видовъ.

30 апреля предъ нами прошли знаменитейшія по красоте и оригинальности картины Норвегіи.

— Вонъ Торгхаттенъ показался! — указываль намъ Александръ Петровичъ на черную скалу, которая въ виде громадной шляпы поднималась изъ моря.

— А что это такое? — спросилъ я.

— Гора съ природнымъ туннелемъ. Когда мы подойдемъ ближе, вы увидите его отверстіе. Все эти места опозитизированы народной фантазіей; такъ, например, происхожденіе туннеля въ Торгхаттене легенда приписываетъ великану, прострелившему гору насквозь.

Вскоре въ средине скалы обозначилась темная впадина, а затеиъ въ ней блеснуло светлымъ пятнышкомъ и сквозное отверстіе туннеля.

— Вотъ такъ окошко! — воскликнулъ кто-то изъ насъ.

— Не окошко, а целыя ворота! — заметилъ другой изъ товарищей, смотревший въ бинокль.

Торгхаттень.

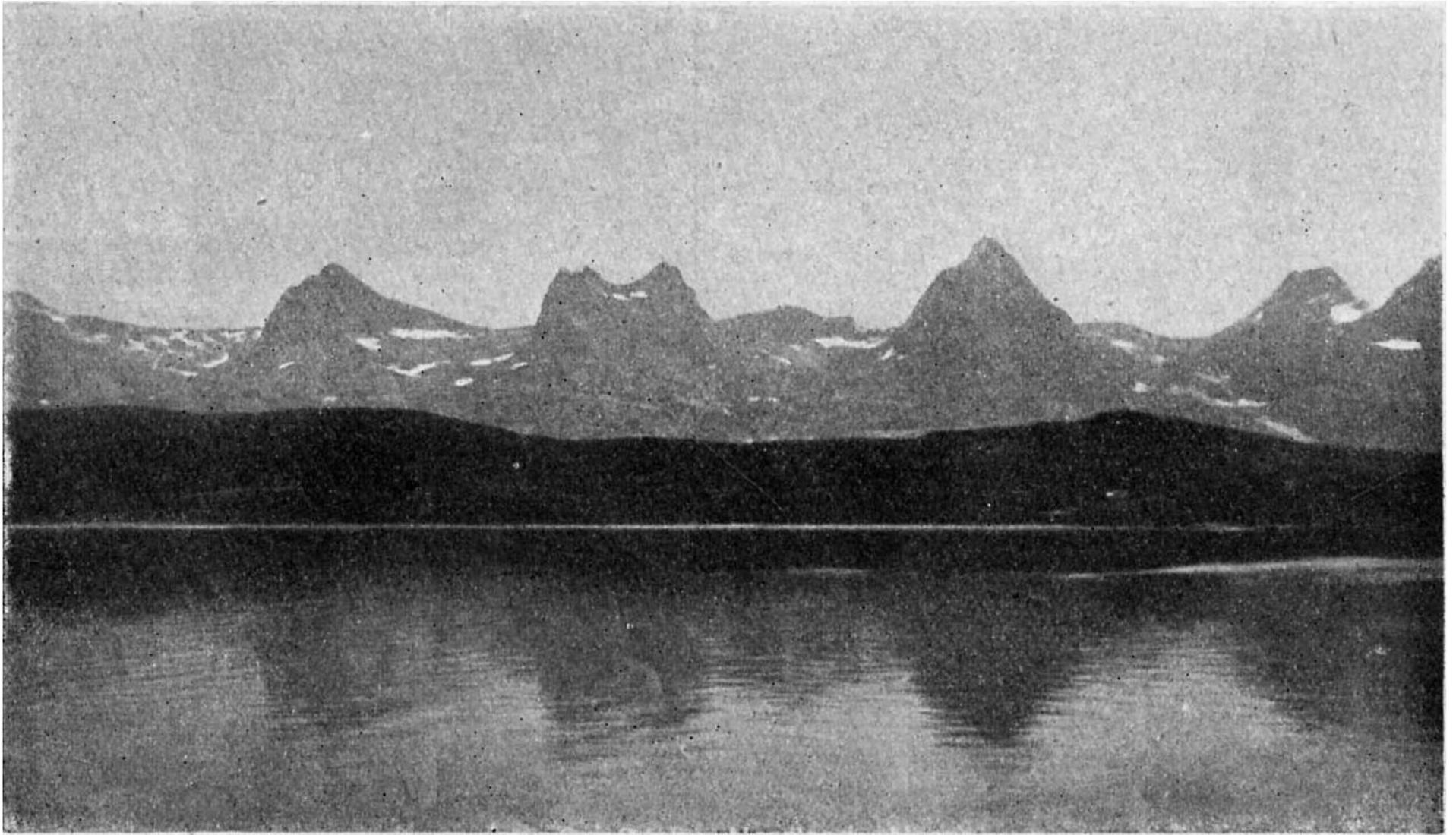
Тоннель въ Торгхаттенъ.

— И не то, и не другое! На самом деле это громадный коридоръ длиною более полутора метра и въ некоторыхъ местахъ более 50 метровъ высоты!

Все бинокли были нарасхватъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ следили мы за этимъ удивительнымъ явленіемъ природы.

Вскоре открылись «Семь сестеръ». Семь вершинъ, совершенно закутанныхъ снегомъ, резко выступали на серомъ фоне покрытаго тучами неба. Уже одно названіе заставляло искать въ этихъ скалахъ те образы, которыми одухотворило ихъ народное сказаше. Да, это действительно сестры! Оне такъ похожи другъ на друга! Такъ одинаково склонили оне свои головы, окутанныя одинаково белыми покрывалами.

Въ данный моментъ я страшно жалелъ, что не могъ поговорить съ лоцманомъ. Типичный старикъ-норвежець съ бритыми усами и съ седой бородой, растущей откуда то изъ-подъ шеи, посасывая трубочку, стоялъ рядомъ со мной, спокойно оглядывая разстилавшуюся картину. Сколько красивыхъ поэтическихъ сагъ, передаваемыхъ изъ усть въ уста, изъ поколенія въ поколеніе, могъ бы онъ сообщить намъ о каждомъ изъ этихъ камней.

Семь сестеръ.

— Господа, мы перешли полярный круг! — сказала Александръ Петровичъ.

— Когда? Где? — посыпались вопросы.

— А вотъ только что мы пересекли, его! Сколько разъ съ 1-го класса гимназіи слышалъ я это слово «полярный кругъ»! Предъ глазами моими такъ ясно выступила карта полушарій, на которой жирнымъ пунктиромъ выступалъ «северный полярный кругъ». Мне казалось, что и здесь я долженъ былъ увидеть что-нибудь особенное, чѣмъ обозначалось бы это место.

Итакъ, я действительно въ стране полуночнаго солнца! Каждая скала, каждый камень здесь освещался солнцемъ въ 12 часовъ ночи!

3-го мая после полудня мы пришли въ Гаммерфестъ. «Гаммерфестъ — самый северный городъ Европы». Такъ когда-то училъ я въ гимназіи. Пока на «Андрее Первозванномъ» грузили уголь (а мы ради этого и зашли въ Гаммерфестъ), вся наша компанія отправилась къ памятнику градусныхъ измереній. Съ 1816 до 1852 года русскіе и скандинавскіе астрономы производили измереніе дуги мердіана, начиная съ устьевъ Дуная вплоть до Гаммерфеста. Здесь, въ конечномъ северномъ пункте находится скромный памятникъ этой грандіозной работы. На цоколе изъ неполированного гранита возвышается круглая полированная гранитная колонна, увенчанная бронзовымъ изображеніемъ земного шара.

Гаммерфестъ лeтoмъ.

Гаммерфестъ. Памятникъ меридіональныхъ измереній.

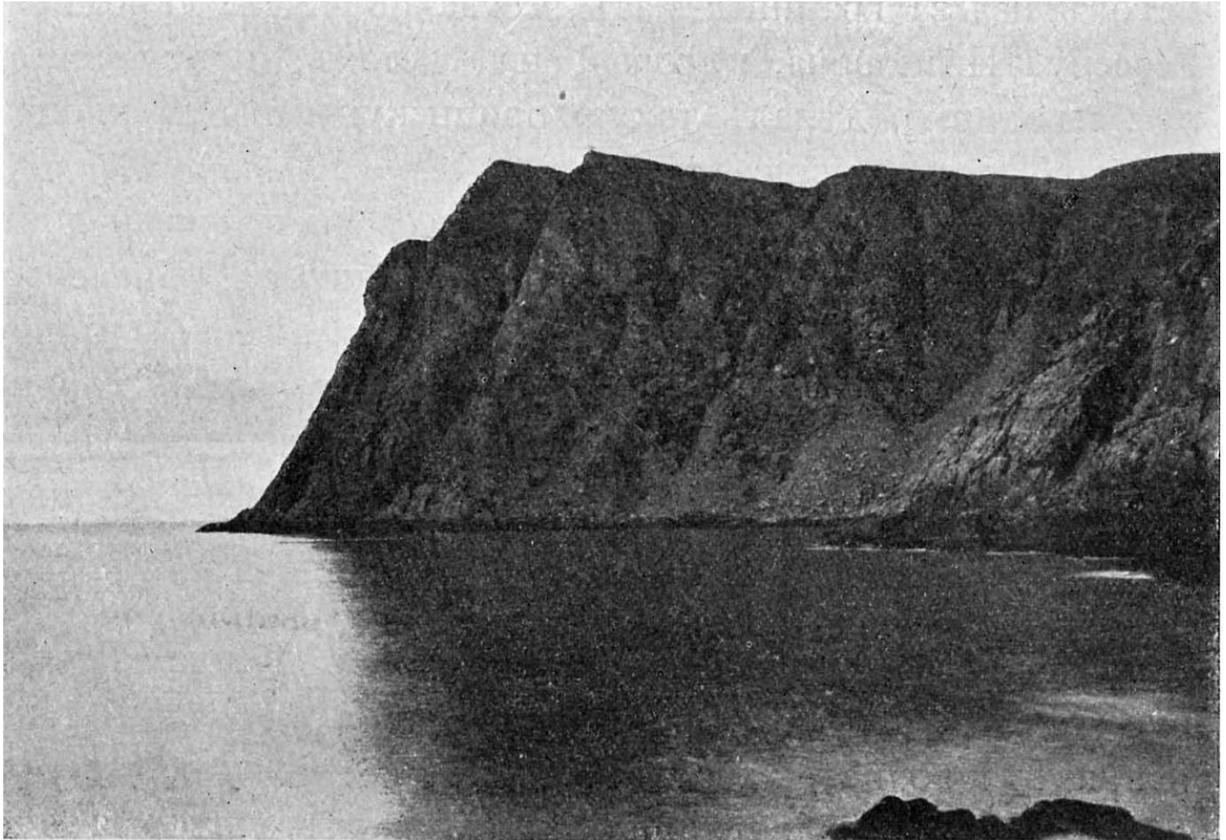
На колонне находится следующая надпись на латинскомъ и норвежскомъ языкахъ:

«Северный предель дуги меридіана 25°20' от Океана Ледовитаго до реки Дуная чрезъ Норвегію, Швецію и Россію, по повелению Августейшихъ Монарховъ Оскара I и Императоровъ Александра I и Николая I. Постоянно трудясь съ 1816 по 1852 измерили Геометры трехъ народовъ. Широта 70° 40' 11.3"»

Ночью мы покинули Гаммерфестъ.

Рано утромъ 4 мая я уже стоялъ на мостике, чтобы увидеть еще одинъ замечательный пунктъ Европы. Мы подходили къ Нордкапу.

Было холодно, температура держалась ниже нуля. Свинцово-серое небо и такія же волны придавали суровый отпечатокъ открывавшейся картине. Временами начинался снегъ, который при налетавшихъ шквалахъ сменялся крупой. На этомъ фоне темныя, безжизненныя, почти отвесно обрывающіяся въ пучину океана скалы Нордкапа производили поражающее впечатленіе. Ничего более дикаго и суроваго мне не приходилось видеть. Несмотря на окружавшій меня шумъ и суету пароходной жизни, при виде этихъ пустынныхъ и негостеприимныхъ береговъ, чувствовалось такое одиночество, такая оторванность отъ всего міра, что становилась жутко. Ни одного суденышка! Никакихъ признаковъ присутствія человека! Даже птицъ, которыя обыкновенно десятками кружатся возле парохода, и техъ на этотъ разъ не было!

Нордкапъ.

Мы не огибали Нордкапа, а пошли проливомъ, отделяющимъ отъ материка островокъ на которомъ онъ находится. Скоро передъ нами выступили такія же дикія, но менее величественныя очертанія Нордкина. Вотъ и русскіе берега! Они также занесены снегомъ и также неприветливо встречаютъ насъ. Но здесь уже не было такихъ высокихъ и неприступныхъ скалъ, которыя такъ характерны для Норвегіи. Берегъ значительно понизился. Очень часто можно было заметить входы въ заливы и бухты.

Александръ Петровичъ то и дело, указывая намъ какую-нибудь точку, называлъ ее.

— Вотъ Рыбачій полуостровъ! Какъ только обогнемъ его, такъ до Екатерининской гавани рукой подать!

Медленно идетъ время... мы все устали отъ долгаго путешествія. Ведь почти мѣсяць прошелъ съ техъ поръ какъ выехали мы изъ Петербурга. И какой мѣсяць! Сколько новыхъ впечатленій, сколько новыхъ переживаній и мыслей далъ онъ каждому изъ насъ! Но близка наконецъ и цель нашего плаванія. Съ приходомъ въ Екатерининскую гавань окончится путешествіе и начнется работа. Тамъ мы будемъ дома.

Около полуночи мы вошли въ Кольскій заливъ. Небо покрыто тучами, но светло почти такъ же, какъ въ обыкновенный пасмурный день. Быстро проносятся мимо насъ съ той и съ другой стороны скалы, занесенныя снегомъ. Совершенно незаметно вошли мы въ гавань, и я понялъ это только тогда, когда увидѣлъ на берегу несколько небольшихъ домиковъ. Но нигде — ни души. Вероятно, все спятъ.

На «Андрее Первозванномъ» раздался протяжный гудокъ, и сейчасъ же на берегу забегали и засуетились. Вскоре къ намъ навстрѣчу неслась небольшая шлюпка, въ которой мы уже различали В. Ф. Д. Не успели еще отдать якорь, какъ онъ уже былъ на палубе и взволнованный, и оживленный пожималъ намъ руки.